

Религиовед, доктор философских наук, профессор Академии труда и социальных отношений Екатерина Элбакян прокомментировала для Центра «Сова» решение о ликвидации Саентологической церкви Москвы и религиоведческой экспертизе, на основании которой было вынесено это решение.

То, что новые религии в России в последние годы чувствуют себя всё более неуютно, давно является очевидным. Религиозные организации стараются строго соблюдать законы, занимаются благотворительностью, осуществляют социальные программы, помогая обществу в решении насущных проблем, но всё равно преподносятся в СМИ чужими и даже «чуждыми российскому менталитету».

Одна из таких религий – саентология, представленная в России единственной централизованной организацией, зарегистрированной Министерством юстиции РФ 25 января 1994 года, – Саентологической церковью Москвы. В ряде других городов саентология имеет организационные структуры в виде религиозных групп, поскольку уже в течение ряда лет, несмотря на многочисленность этих групп, местные органы власти отказываются их регистрировать в качестве местных религиозных организаций. Наиболее крупная саентологическая религиозная группа функционирует в Санкт-Петербурге, где первые саентологи появились в далёком уже 1984 году. Всё было бы не так уж и плохо – ну, есть одна централизованная организация в Москве, функционируют религиозные группы в регионах, и ладно. Однако с некоторых пор и на эту единственную религиозную организацию началась атака – с целью снять саентологию с регистрации в Министерстве юстиции. Поскольку реальных претензий к ней не находилось, решили ударить сразу сильно и больно – лишить саентологию религиозного статуса. То есть доказать, что саентология вовсе не религия, а так, непонятно что... В августе 2014 года Минюст подал исковое заявление в суд для принятия решения о ликвидации Саентологической церкви Москвы. В ответ группа саентологов (частных лиц) подала встречный иск на действия Минюста в Измайловский районный суд. Не вдаваясь в детали всех перипетий судебного процесса, обращу внимание лишь на то, что в их результате для принятия решения суду, несмотря на наличие в деле ряда ранее подготовленных экспертиз известных российских религиоведов, потребовалась новая экспертиза, которую заказали Ларисе Сергеевне Астаховой. Получив нужную экспертизу, суд на её основании вынес решение в пользу Минюста, то есть саентологи процесс проиграли. Верующие подали жалобу в Мосгорсуд, который вынес постановление об оставлении решения Измайловского райсуда без изменений. 23 ноября 2015 года Мосгорсуд удовлетворил иск столичного управления Минюста РФ о ликвидации религиозного объединения «Саентологическая церковь Москвы».

Но что же такого могло содержаться в экспертизе Астаховой, чего могли «не учесть» высококвалифицированные религиоведы? Перед экспертом было поставлено три вопроса: 1. Осуществляет ли религиозное объединение «Саентологическая церковь Москвы» религиозную деятельность? 2. Имеются ли в деятельности религиозного объединения «Саентологическая церковь Москвы» признаки религиозного объединения, а именно: вероисповедание; совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; обучение религии и религиозное воспитание своих последователей? 3. Соответствует ли фактическая деятельность религиозного объединения «Саентологическая церковь Москвы» формам и методам, сведениям об основах вероучения, заявленным при его государственной регистрации? Ответы на них и представили суду формальную возможность оставить решение о ликвидации СЦМ и лишении саентологии религиозного статуса без изменений. Однако большинство специалистов, ознакомившихся с экспертизой Астаховой, пришли к однозначному выводу о грубом нарушении экспертом самих принципов подготовки экспертизы.

На мой взгляд, ключевым недостатком экспертизы Астаховой является недопустимая в религиоведении оценка одной религии с позиции другой или, шире, одного типа религий с позиции другого. Такая оценка никак не может быть объективной и научной, потому что всегда носит конфессионально-ограниченный характер.

Хочу отметить, что поскольку в своей экспертизе Астахова довольно широко и целенаправленно критиковала, в частности, мои заключения о деятельности

саентологов, я считала неэтичным отвечать ей в том же тоне, да и вообще вступать в дискуссию с автором, по всей вероятности, заказной экспертизы. Однако по прошествии времени и, кроме того, зная реальных верующих-саентологов и их религиозную практику, помня о принципе аксиологически нейтрального отношения религиоведа к объекту своего исследования, позволю себе дать некоторые оценки экспертизе г-жи Астаховой, обобщив при этом мнения по данному вопросу моих коллег-религиоведов.

Первый и самый существенный недостаток экспертизы Астаховой заключается в том, что автор имплицитно либо осознанно исходила из того, что религией является только теизм. Выстраивая своё заключение на этой посылке, автор давала соответствующую оценку саентологии, отгалкиваясь исключительно от теистической картины мира, экстраполируемой на религиозную в целом. Однако всем, в том числе и начинающим религиоведам, известно, что кроме теистических (в которых наличествует личный Бог), существуют и нетеистические религии, в которых личный Бог отсутствует. Известно также, что существуют религии пистические (от греч. Πίστις – вера), основанные на вере, и гностические (от греч. γνώσις – «знание») – основанные на гнозисе, то есть знании. Религиоведению известно, что отсутствие представлений о едином Боге и его личностных (например, в христианстве – антропоморфных) характеристик ни в коем случае не является признаком отсутствия свойств религии вообще.

С позиции религиоведения, в плане типологии саентология может быть отнесена к типу новых религиозных движений (подтип – синкретические религии) в отличие от первобытных религиозных верований, народностно-национальных (или этнолокальных) и мировых (буддизм, христианство, ислам) религий. При оценке по другому основанию – к типу нетеистических и гностических религий, в отличие от теистических и мистических религий.

Уместно напомнить, что главным и неотъемлемым признаком религии является наличие в картине мира сверхъестественного начала. Причём вовсе не обязательно, чтобы такое начало воспринималось неким существом – обязательен лишь выход за пределы «естественного». Это, например, реинкарнация души – воплощение её в новом теле при последующем рождении в буддизме, индуизме, джайнизме, согласно закону кармы. В этом случае представления о высшем сверхъестественном существе отсутствуют, вместо этого имеет место сверхъестественный акт. Но буддизм, например, от этого не перестаёт быть мировой религией, хотя и не теистической, и не авраамической. Таким образом, в какой форме или в каком виде представляется верующим некое сверхъестественное, принципиального значения для определения мировоззрения в качестве религиозного не имеет. Зато объективно оценить нетеистическую религию с позиций теизма, в отличие от научной позиции, заведомо невозможно.

Второй, весьма существенный, недостаток представленного по заказу суда заключения Астаховой заключается в том, что автор (опять же, либо намеренно, либо по незнанию) игнорирует тот общеизвестный факт, что саентология относится к группе «новых религиозных движений» (НРД), имеющих свои специфические особенности, не исключающие НРД из ряда религий. И, разумеется, не исключающие организации их последователей из ряда религиозных организаций. Игнорирование Астаховой этого принципиально важного в контексте экспертного исследования факта сущностно искажает не только изложение сути учения и обрядовой практики саентологов, но и со всей очевидностью влияет на выводы, которые не могут быть признаны научно достоверными и обоснованными, что абсолютно ясно религиоведам и всем тем, кто «в теме».

Тем не менее, выявляя несоответствие между вероучительными положениями и элементами культовой практики саентологов с вероучениями и культурами авраамических (теистических) религий, г-жа Астахова делает вывод о «нерелигиозной природе» саентологии. Но некорректность заключения этим далеко не исчерпывается. Аналогичным образом автор заказанной судом экспертизы рассуждает и о природе культовой и внекультовой деятельности Саентологической церкви Москвы, которые она отчего-то относит к социальной.

Строго говоря, любая деятельность любой социальной группы носит социальный характер, что, в этом смысле, не делает религиозную деятельность каким-то исключением. В религиоведении религия рассматривается как социальный феномен. В социологии она определяется как один из шести основных социальных институтов. Соответственно, религиозная деятельность в широком смысле слова является одной из разновидностей социальной деятельности, так как она осуществляется в рамках социальной группы верующих, является многоаспектной и направленной на достижение как культовых, так и внекультовых целей. Религиозный характер деятельности определяется тем объектом, на который она направлена, а не теми формами, в которых она существует.

Словосочетание «социальная деятельность религиозных организаций» является устоявшимся. Поэтому противопоставление религиозной и социальной деятельности, допущенное в заказанной судом экспертизе, по существу, безграмотно. В заключение, имеет смысл напомнить о давно известных религиоведению фактах. А именно о том, что саентологи являются верующими людьми. Осуществляя обряды в Саентологической церкви, они, безусловно, следуют традициям своей религии. Поскольку саентология не является теистической религией, её религиозные обряды совершаются не от имени Бога, но при этом никак не утрачивают своей сверхъестественной (для религиозного сознания) значимости. Обряды совершаются только саентологическими священниками, облачёнными для того в соответствующие одежды, совершаются по образцу и тексту, содержащемуся в Саентологических писаниях. Процедура каждого обряда чётко отработана и не может быть нарушена, как и в большинстве других религий мира.

Верующие саентологи имеют достаточно интенсивный, как свойственно всем НРД, религиозный опыт, который является обязательным атрибутом любого верующего человека или группы верующих людей. Религиозный опыт является важнейшей составляющей любой религии.

Однако религиозный опыт проявляется в различных формах. В саентологии он обнаруживает себя в форме глубокой убеждённости верующего в том, что он живёт много жизней, о чём свидетельствует часто встречающееся восприятие окружающих людей, особенно детей, как получивших в процессе реинкарнации душу от умершего родственника или другого близкого человека.

Из опыта моего личного исследования Саентологической группы Санкт-Петербурга, конкретная верующая, назовём её А., сообщила мне, что у её мужа год назад скончалась мама. Примерно в то же время у друзей А. родилась дочь, и по ряду признаков сама верующая и её муж уверены, что в теле этой новорождённой девочки переродилась душа его матери. Случай далеко не единичен, и подобные ему свидетельствуют о достаточно интенсивном религиозном опыте саентологов. Однако автор принятой судом во внимание экспертизы, вероятно, не посещавшая Саентологическую церковь и не знакомая с религиозной практикой этого НРД, придерживается иного взгляда на религиозный опыт саентологов.

На мой взгляд, с которым, насколько мне известно, согласны большинство ведущих российских учёных-религиоведов, заключению г-жи Астаховой присущ ряд таких очевидных недостатков, как нарушение типологического метода; присутствие признаков конфессионального, а не религиоведческого подхода; нарушение метода качественного религиоведческого анализа; отсутствие объективного и беспристрастного описания религиозных феноменов; противоречие принципу историчности; интерпретация фактов вне культурной и цивилизационной обусловленности феноменов; неверное использование герменевтического метода.

¹ См., например: Элбакян Е.С. Религии России: словарь-справочник. М., 2014. С. 255–259.

² См.: Основы религиоведения: учебник / Под ред. И.Н. Яблокова. М., 1998. С. 10–12; Введение в общее религиоведение: учебник / Под ред. И.Н. Яблокова. М., 2007. С. 13–14, др.

³ Забияко А.П. Священное пространство // Религиоведение: энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М., 2006. С. 966–968.

⁴ Кантеров И.Я. Новые религиозные движения // Энциклопедия религий / Ред. А.П. Забияко, А.Н. Красников, Е.С. Элбакян. М., 2008. С. 892.

- 5 Забияко А.П. Религиозный опыт // Религиоведение: энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М., 2006. С. 866–867.
- 6 Введение в общее религиоведение: учебник / Под ред. И.Н. Яблокова. М., 2001. С. 296.
- 7 Введение в общее религиоведение: учебник / Под ред. И.Н. Яблокова. М., 2001. С. 281.

References

1. Elbakyan E.S. *Religii Rossii: slovar'-spravochnik* [Religions of Russia: Dictionary]. Moscow, 2014, pp. 255–259.
2. *Osnovy religiovedeniya: uchebnik* [Foundations of the Study of Religion: Textbook]. Ed. by I.N. Yablokov. Moscow, 1998, pp. 10–12.
3. *Vvedenie v obshchee religiovedenie: uchebnik* [Introduction to General Study of Religion: Textbook]. Ed. by I.N. Yablokov. Moscow, 2007, pp. 13–14.
4. Zabyako A.P. *Religiovedenie: entsiklopedicheskiy slovar'* [Study of Religion: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 2006, pp. 966–968.
5. Kanterov I.Ya. *Entsiklopediya religiy* [Encyclopedia of Religions]. Moscow, 2008, pp. 892.
6. Zabyako A.P. *Religiovedenie: entsiklopedicheskiy slovar'* [Study of Religion: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 2006, pp. 866–867.
7. *Vvedenie v obshchee religiovedenie: uchebnik* [Introduction to General Study of Religion: Textbook]. Ed. by I.N. Yablokov. Moscow, 2007, p. 296.
8. *Vvedenie v obshchee religiovedenie: uchebnik* [Introduction to General Study of Religion: Textbook]. Ed. by I.N. Yablokov. Moscow, 2007, p. 281.